

ДРАГОЦЕННЫЙ КАМЕНЬ

Рассказ о Гоар Гаспарян

Только что окончился концерт. У артистического выхода ее ожидал Гайк. Они вышли на площадь Майдан-опера. В центре площади высился памятник. Хедив Мохамед-Али скакал на гранитном коне, протянув вперед тяжелую каменную руку...

У гостиницы «Континенталь» они встретили иностранного офицера. Он шел, слегка пошатываясь, и нарочито грубо задел Гайка. Гайк вспыхнул, резко повернулся к обидчику.

— Не надо! — прошептала Гоар, потянув Гайка за рукав, и быстро увлекла его в сад.

В саду было пустынно и мрачно. В духоте каирской ночи фула — нежные маленькие белые цветки на небольших деревцах — пахла прянее и резче обычного.

— Гоар! — тихо произнес Гайк. — Я больше не могу здесь оставаться. Поймите — не могу. Я не хочу, чтобы всякий хам в тропическом шлеме издевался надо мной. Через неделю пароход отплывает из Александрии в Батуми... Если вы хотите петь не для праздных бездельников и колониальных офицеров, а для своего народа, вы поедете со мной.

— Милый Гайк, я давно мечтаю об отъезде. Но ведь вы знаете, что это не так-то просто... Что делать? Нужно ждать, ждать, как это ни тяжело!

Учась в последних классах колледжа, Гоар стала брать уроки пения у Элиз Фельдман-Лейн. Через несколько лет учительница посоветовала юной певице «попробовать себя» на публике. Но это было легко сказать...

В Египте в то время имели право выступать на сцене лишь артисты-профессионалы. Оставалось радио. Но и там, в особенности армянке, дебютировать было сложно.

Подруге Гоар, Майте, которая служила машинисткой на табачной фабрике, не разрешили сесть за рояль даже в радиостудии, а ведь она играла так виртуозно, и вдохновенно, что могла бы стать видной пианисткой. В Египте не было своей оперы, отсутствовал симфонический оркестр. Обычно приезжали европейские гастролеры.

И вот в ту пору в Каире проходили концерты знаменитого итальянского дирижера Винченцо Моллини. Всеми правдами и неправдами отцу Гоар удалось добиться дебюта дочери по радио. Ее услышал Моллини и пригласил спеть в одном из своих концертов...

Газеты отметили прекрасный голос дебютантки.

Потом началась вторая мировая война. Европейские гастролеры прекратили поездки в Египет. Профессор Лейн силами способной молодой певицы поставила «Севильский цирюльник», «Риголетто» и «Травиату», поручив главные партии Гоар Гаспарян. К этому времени молодая певица уже не раз концертировала. Правда, организатором этих концертов был ее отец, и почти все его заработки, как за бухгалтерский труд в обувной фирме, так и за переводы с арабского на армянский, уходили на оплату концертного зала, рекламы и налога.

Родившись в Каире, получив там образование и став певицей с именем, Гоар Гаспарян все же чувствовала себя на чужбине. В

ту пору Египет еще не освободился от иноземного владычества, которому на руку было притеснять национальные меньшинства.

«Уехать, скорее уехать!» — вот о чем мечтала талантливая армянская певица. Ей хотелось петь не по-итальянски, как это было принято в Египте, а на родном языке, для родного народа.

Она получила приглашение в Милан. Подумала... И отказалась. Из Лондона пришла телеграмма с предложением спеть Травиату в одноименном фильме, который готовился к постановке. Гоар Гаспарян тоже отказалась. Ей хотелось поехать в Советский Союз...

И вот мечта ее осуществилась. Ныне Гоар Гаспарян живет в Ереване. Ее, солистку республиканского театра оперы и балета имени Спендиарова, любит советский народ.

Широкую известность Гоар Гаспарян получила в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Куйбышеве, Сочи, Кисловодске. Всюду, где она выступала с концертами. Годы пребывания в СССР стали большой вехой на ее творческом и жизненном пути.

Наставления советских музыковедов и оперных мастеров, которым она следовала, во многом помогли ее большому природному дарованию.

Советское правительство присвоило Гоар Гаспарян звание народной артистки СССР, она — лауреат Сталинской премии.

Письмо от матери кончалось так:

«Я включила радио, и нежный сладкий голос заполнил нашу комнату, в которой мы с отцом так любим сидеть после ужина у открытого настезь окна. Это было таким неожиданным подарком. И хотя я включила радио на середине арии, но мне ли не узнать твой голос среди тысяч других голосов? Я сказала отцу:

— Верное имя дали мы нашей дочери...

Гоар — это значит драгоценный камень».

«Родная и милая мама! Я так часто пишу тебе, что ты знаешь все, даже самые крохотные мои новости. Наша маленькая Седа вчера впервые произнесла слово «бабушка». Она и мы с мужем ждем не дождемся вашего приезда. Я вспоминаю узкую улочку Мурада и белоснежный домик с розовой крышей, под которой протекли мое детство и юность. И, конечно-же, свою комнату с окнами в небольшой тенистый сад...

Ах да, вот новость, которой ты еще не знаешь: я снова собираюсь в Москву. Я глубоко полюбила ее за широту площадей и улиц, за красивые здания, за теплоту и гостеприимство москвичей, которых почитаю старшими братьями и сестрами.

Верно, что ты назвала меня Гоар, верно, что это слово на нашем языке обозначает драгоценный камень. Но ты, сама того не ведая, назвала меня так, конечно, не потому, что голос мой драгоценен, а потому, что всегда желала мне счастья. И вот драгоценный камень ныне неотделим от меня. Я говорю о Родине, которой ни ты, ни папа никогда не знали, хотя и любили ее где-то в глубине души. Родина! Это такой драгоценный камень, наряду с которым нет на свете ничего богаче и дороже».

Олег МОИСЕЕВ.

ВОЛЖСКАЯ НАММУНА

г. Куйбышев.

2 О С Е Н И 1959